

картинке, выделял нарядную весеннюю шляпку с розовыми цветами, светло-серое шелковое пальто, розовое цветущее нежное прелестное лицо и огромный букет свежей, едва распустившейся, только этим утром сорванной сирени, которую женщина держала обеими руками.

«Как хороша!» — подумал Цвет, не сводя с нее восторженных глаз...

Но вот поезд Цвета поплыл вправо. Однако через секунду стало ясно, что это только мираж, столь обычный на железных дорогах: шел поезд красавицы, а его поезд еще не двигался. «Хоть бы один цветок мне!» — мысленно воскликнул Цвет. И тотчас же прекрасная женщина с необыкновенной быстротой и поразительной ловкостью бросила прямо в открытое окно Цвета букет. Он умудрился поймать его...» и т. д.

Привлекательные у Куприна, цветы стали отталкивающими у Булгакова, и букет не перебрасывается любовно из рук в руки, а пренебрежительно швыряется на мостовую — оценка деталей изменена в отразившем их булгаковском зеркале, которое превратило все «левое» в «правое» и наоборот, но зеркально вывернутая картина сохраняет узнаваемость. Узнается и ситуация первой встречи, и игра с цветами, и весеннее «светло-серое шелковое пальто» незнакомки, ставшее «черным весенним пальто» Маргариты Николаевны, и эффект цветного фона: купринское «Темный фон сзади нее мягко и рельефно, как на картинке, выделял... огромный букет» повторяется у Булгакова: «И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто».

Встреча Мастера с Маргаритой перечеркнула все его прежние отношения с женщинами, так что он с трудом вспоминает их имена. Мастер, видите ли, был женат: «На этой... Вареньке... Манечке... нет, Вареньке...» Мастер в известном смысле правильно называет Варенькой ту, которая была до Маргариты Николаевны, потому что женщину с цветами из купринского рассказа действительно зовут *В а р в а р о й* Николаевной...

Пораженный легкостью и мгновенностью, с которыми исполняются его желания, Цвет пытается объяснить это самому себе игрой случая: «Очевидно, я попал в какую-то нелепо-длинную серию случаев, которые сходятся с моими желаниями. Я читал где-то, что в Петербурге однажды проходил мимо какой-то стройки дьякон. Упал сверху кирпич и разбил ему голову. На другой день мимо того же

дома и в тот же час проходил другой дьякон, и опять упал кирпич, и опять на голову...» Автор подсказывает, но простодушный Цвет пока не догадывается, что здесь не случай, а проделки сатаны. Булгаков согласен с Куприным: просто так кирпич на голову не упадет. Где бы не прочел купринский герой трагикомическую историю с кирпичами, но Булгаков, несомненно, прочел ее у Куприна, в рассказе «Каждое желание». Воланд отвечает не только Берлиозу, но и Цвету.

У разбогатевшего Цвета появляется секретарь — «ставленник Тоффеля, низенький, плотный южанин, вертлявый, в черепеховом пенсне, стриженный так низко, что голова его казалась белым шаром, с синими от бритья щеками, губами и подбородком...» Секретарь докладывает, что к Цвету просится какой-то старый знакомый, но Цвет успел забыть свою прежнюю жизнь и старых знакомых, так что посетитель вынужден напомнить: «Неужели не узнаете? Среброструнов. Р е г е н т». Не на Коровьева ли, регента в пенсне, наводят эти стоящие рядом у Куприна приметы? А в облике секретаря как будто слиты черты Берлиоза и коровьевское пенсне...

Такой ход комбинирующего воображения Булгакова тем более вероятен, что на следующих страницах купринского рассказа, буквально впритык к сцене визита регента Среброструнова (и, напомним, вслед за размышлениями Цвета о случайности падения кирпичей на голову), идет сцена несчастного случая на трамвайной колее, поразительно напоминающая сцену гибели Берлиоза — тоже после разговора о падающих кирпичах.

«На перекрестке Иван Степанович остановился...

По Александровской улице, сверху, бежал трамвай, выбрасывая из-под колес трескучие снопы фиолетовых и зеленых искр. Описав кривую, он уже приближался к углу Бульварной. Какая-то пожилая дама, ведя за руку девочку лет шести, переходила через Александровскую улицу, и Цвет подумал: «вот сейчас она обернется на трамвай, замнется на секунду и, опоздав, побежит через рельсы. Что за дикая привычка у всех женщин непременно дожидаться последнего момента и в самое последнее мгновение броситься наперез лошади или вагону. Как будто они нарочно испытывают судьбу или играют со смертью. И вероятно, это происходит у них только от трусости».

Так и вышло. Дама увидела быстро